

Юлий Айхенвальд

Белинский

Силуэты русских писателей

Юлий Айхенвальд

Белинский

«Public Domain»

1913

Айхенвальд Ю. И.

Белинский / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain»,
1913 — (Силуэты русских писателей)

«Белинский – это легенда. То представление, какое получаешь о нем из чужих прославляющих уст, в значительной степени рушится, когдаходишь к его книгам непосредственно. Порою дышит в них трепет искания, горит огонь убежденности, блещет красивая и умная фраза, – но все это беспомощно тонет в водах удручающего многословия, оскорбительной недодуманности и беспрестанных противоречий. Белинскому не дорого стоили слова. Никто из наших писателей не сказал так много праздных речей, как именно он. Никто своими ошибками, в главном и в частности, так не соблазнял малых и немалых сих, как именно он. Отдельные правильные концепции, отдельные верные характеристики перемежаются у него слишком обильной неправдой; свойственна ему интеллектуальная чересполосица, и далеки от него органичность и дух живой системы...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Юлий Айхенвальд Белинский

Белинский – это легенда. То представление, какое получаешь о нем из чужих прославляющих уст, в значительной степени рушится, когда подходишь к его книгам непосредственно. Порою дышит в них трепет искания, горит огонь убежденности, блещет красивая и умная фраза, – но все это беспомощно тонет в водах удручающего многословия, оскорбительной недодуманности и беспрестанных противоречий. Белинскому не дорого стоили слова. Никто из наших писателей не сказал так много праздных речей, как именно он. Никто своими ошибками, в главном и в частности, так не соблазнял малых и немалых сих, как именно он. Отдельные правильные концепции, отдельные верные характеристики перемежаются у него слишком обильной неправдой; свойственна ему интеллектуальная чересполосица, и далеки от него органичность и дух живой системы. А то, что в самой правде своей был он так изменчив и неустойчив, – это подрывает даже ее. Его неправда компрометирует его правду. Белинский ненадежен. У него – шаткий ум и перебои колеблющегося вкуса. Одна страница в его книге не отвечает за другую. Никогда на его оценку, на его суждение положиться нельзя, потому что в следующем году его жизни или еще раньше вы услышите от него совсем другое, нередко – противоположное. У него не мирозерцание, а мирозерцания. Живой калейдоскоп, он менял их искренне, но оттого не легче было его читателям; и в высокой мере как раз Белинский повинен в том, что русская культурная традиция не имеет прочности, что бродит и путается она по самым различным дорогам. Неровный маятник его легкомысленных мыслей описывал чудовищные круги; учитель убеждений расшатывал убеждения – тем, что хронически и без явной трагедии от них отступался. Только в письмах к друзьям этот Виссарион-Отступник сокрушается иногда о своей изменчивости, о своих «прыжках»; но перед аудиторией, в печати ему случалось даже выговаривать тем, кто однажды навсегда составил себе определенные мнения. Желанную динамичность духа, вечное движение, вечное искание он смешивал с непостоянством и непродуманностью коренных принципов. И оттого, в пестром наследии его сочинений, в их диковинной амальгаме, вы можете найти все, что угодно, – и все, что не угодно. Рассудок несамостоятельный, женственно воспринимающий, слишком доступный для всяких теорий, сплошной объект и медиум влияний, Белинский слушал и слушался, и у него нечего было влияниям противопоставлять. Он не имел своего *a priori*; он другим не предпослал себя. Он был доверчив, этот критик без критики. Были присущи ему не идеи-силы, а идеи-гости. Человек без духовной собственности, «нищий студент», всегдашняя *tabula rasa*, он никогда не был умственно-взрослым; по его натуре, переимчивой и восприимчивой, ему следовало бы только учиться, а он учил, – и в этом состояло тяжкое недоразумение его литературной судьбы. Или, лучше сказать, он учился на людях, на глазах у своих учеников; он читал для того, чтобы написать, читал наскоро, и за его страницами не чувствуешь долгой работы и умственной уединенности, часов накопления. Именно потому он всегда – временный, и каждой мысли, каждой дамы он – рыцарь только на час. Он чужд той непосредственной духовной цельности, того сокровенного мировоззрения, того инстинкта правды, которые уже сами по себе, предупреждая сознательное построение идеалов, оберегают человека от чрезмерно грубых заблуждений и от таких взглядов, какие граничат с нравственной близорукостью. У Белинского подобного ангела-хранителя не было, ядро истины в нем не таилось, его бессознательное начало не было лучше его сознательного, его перо не было умнее, чем он сам, и не однажды впадал он в такие ошибки, которые вызывают не только идейный отпор, но и моральное негодование, увлечением и способностью каждое теоретическое верование доводить до его последних практических результатов объясняют нестерпимую реакционность его статей о Бородинском сражении; но это несколько не оправдывает отсутствия в Белинском того органического либерализма, тех предчувствий

и влюбленных чаяний свободы, которые так обязательны для высокой души, и особенно для души молодой. Задолго до упомянутых статей, при первом же своем серьезном выступлении, как критика, в знаменитых «Литературных мечтаниях», после декабристов, в тяжелую и темную пору нашей жизни, когда все передовое в ней действительно изнывало под гнетом грубой власти, – юноша Белинский, не задумываясь, делается рапсодом формулы «православие, самодержавие, народность» и поет умиленные, восторженные гимны «царю-отцу», «чадолюбивым монархам», «русскому мудрому правительству», «благородному дворянству», «знаменитым сановникам, сподвижникам царя на трудном поприще народоправления»; и потом эти панегирики самовластию и «просвещенному и благодетельному» правительству не умолкают, а усиливаются и громкими фанфарами звучат на всем протяжении его статей и некоторых писем. Из отношений Николая I к Пушкину Белинский помнит лишь то, что «венценосный Отец народа» в умирающего поэта «своего» «пролил отраднейший елей благодарности, мира и спокойствия о судьбе осиротелых любимцев его сердца»; и в глазах русского критика русскому народу, в его «теперешнем состоянии», гибельна конституция, а нужна еще «нянька, в груди которой билось бы сердце, полное любви к своему питомцу, а в руке которой была бы лоза, готовая наказывать за шалости»; и у нас «все идет к лучшему», а причиной этого – «установление общественного мнения... и, может быть, еще более того самодержавная власть», которая «дает нам полную свободу думать и мыслить, но ограничивает свободу громко говорить и вмешиваться в ее дела»; блюсти цензуру и не допускать перевода некоторых иностранных книг, – «это хорошо... потому что то, что можешь знать ты, не должен знать мужик». В прославленном письме к Гоголю и кое-где еще в частной переписке все эти мотивы сменяются затем совершенно иными звуками, страстной лирикой трибуны, – но ни в каком случае нельзя поручиться за то, чтобы она была у Белинского окончательной; и недаром уже после письма к Гоголю, в 1848 году, он опять славит «благодарное» влияние «просвещенного» русского правительства и «в отношении к внутреннему развитию России» считает царствование Николая I, «достойного потомка великого предка», т. е. Петра Великого, – «самым замечательным после царствования Петра». Цензура помешала бы Белинскому говорить, но она не мешала ему молчать. А он не хранил достойного молчания, – нет, он сочувственно поддерживал русский шовинизм и официальные каноны. Ему не нужно было с действительностью философски мириться, потому что он с нею вовсе и не ссорился. Умственно неуживчивый, он зато в общественном отношении был скорее консервативен. Вопреки молодости, нарушая ее психологические нравы, он не с протеста, не с отрицания начал, а с политических утверждений. Он их и продолжил; и лишь с известными оговорками можно признать, что не ими он кончил. Без ариадниной нити, т. е. без хорошей природы, без инстинкта истины, он отвергал все оппозиционное только потому, что оно – оппозиционное, на этом основании нелепо осмел было «полоумного» Чацкого и оскорблял свободолюбивые мечты. Так или иначе можно решать женский вопрос, но ни при каком его теоретическом решении нельзя, как это делал Белинский, утверждать, что «женщина-писательница с талантом жалка», что une femme émancipée переводится на русский язык нецензурным словом, которого «употребление позволено в самых обширных словарях», и что «женщина-писательница, в некотором смысле, есть la femme émancipée». Какими бы причинами все это ни освещать и объяснять, такие мысли, и речи, и выражения (мы приводим не самые грубые из них) все равно неумолимо свидетельствуют о внутреннем мещанстве, о прирожденной ограниченности, об отсутствии нравственного изящества и благородства. Не в шутку, а совершенно серьезно говорит в одном месте наш критик, что «горе тому отцу, который не высечет больно своего недоучившегося сына за его первые стихи, а всего пуще за его первую повесть» («хороших розог» желает Белинский и «неистовым» писателям, как Жорж Санд, Бальзак, Дюма, Гюго). Пренебрежительно, в тоне мнимого аристократа, отзывается он о людях с бороною, о крестьянах, о простолюдинах – об этом обществе, «для которого существует Марьино роще»; он вышучивает малороссийскую литературу, он презирает

славянские народности. Всего этого можно было бы не ставить в строку обывателям и специалистам пошлости, но *quod licet bovi, non licet Jovi*¹

¹ Что позволено быку, то не позволено Юпитеру (*лат.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.